

ЭКОНОМИКА**Оценка масштабов и направлений торговли
энергоресурсами в рамках Шанхайской
организации сотрудничества**

© 2021

DOI: 10.31857/S013128120017347-2

Корнеев Константин Анатольевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@ifes-ras.ru.

Статья поступила в редакцию 06.11.2021.

Аннотация:

На пространстве Шанхайской организации сотрудничества сложилась интересная картина. С одной стороны, там находятся государства, входящие в список крупнейших в мире импортеров энергоресурсов — Индия и Китай. С другой стороны, страны Центральной Азии, как и Россия, являются чистыми экспортёрами энергоресурсов, и эта статья экспорта крайне важна для их макроэкономической стабильности. Неудивительно, что проблемы организации взаимовыгодной торговли энергоресурсами внутри ШОС относятся к числу наиболее актуальных для ее деятельности. В решении этого вопроса существует немало разногласий, многие из которых появились совсем недавно. В фокусе внимания данного исследования находятся анализ и оценка энергетической составляющей сотрудничества стран-членов ШОС. Также очевидно, что текущая практика многостороннего участия в энергетическом диалоге может иметь большое значение в геополитическом разрезе — как фактор либо консолидации, либо нарастания противоречий в рамках ШОС. Определённую роль в этом контексте играют внешние акторы, в первую очередь, Япония, перед которой стоит задача диверсификации направлений импорта энергоресурсов. Страны-члены ШОС, богатые нефтью, углём и природным газом (Казахстан, Узбекистан, Россия), находятся в фокусе энергетической дипломатии Токио и обуславливают разработку новых концепций продвижения энергетических интересов Японии на пространстве Шанхайской организации сотрудничества.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта «Проектные научные коллективы РГГУ» № 2021–1–2 под названием «Трансформация энергетических рынков стран-членов ШОС на современном этапе: возможности для России».

Ключевые слова:

ШОС, направления торговли энергоресурсами, прогноз развития энергетического сотрудничества, энергетическая дипломатия, геополитические факторы.

Для цитирования:

Корнеев К.А. Оценка масштабов и направлений торговли энергоресурсами в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 6. С. 35–46. DOI: 10.31857/S013128120017347-2.

Соглашение о создании Шанхайской организации сотрудничества было подписано в 2001 г. лидерами Казахстана, Китая, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана. Россия, которая преодолевала последствия тяжелого экономического кризиса 1990-х, и Китай, стремившийся к укреплению своих позиций как влиятельной торгово-экономической державы, намеревались объединить усилия для завоевания своего места в качестве заметных субъектов мировой экономики. Что касается вошедших в состав учредителей ШОС стран Центральной Азии, их интересы обуславливались как сохранением экономических связей с Россией, так и возможностью выхода на энергетический рынок Ки-

тая. Средств для разработки собственных месторождений природных ископаемых (в первую очередь, нефти и газа) у этих стран не было, поэтому они планировали за счёт кредитов китайских компаний начать их разработку с перспективой продажи добываемых энергоресурсов Китаю¹.

Такой подход в целом устраивал правительство Китайской Народной Республики, которое понимало, что при имевшихся на начало XXI в. двузначных темпах роста ВВП, объёма внутренней добычи первичных энергоресурсов в скором времени будет недостаточно для покрытия потребностей страны. С целью формирования соответствующего инвестиционного механизма в 2005 г. было создано Межбанковское объединение (МБО). Немного позднее была разработана Программа действий в поддержку регионального экономического сотрудничества между банками-членами МБО в рамках ШОС и подписано Соглашение о межбанковском сотрудничестве.

Эти документы предусматривали создание единой базы данных по инвестиционным проектам, предлагаемым к совместной реализации в рамках Организации, обмен деловыми предложениями, координацию действий в информационной сфере. Под эгидой Межбанковского объединения планировалось аккумулировать до 1 млрд долл. США и направлять их на реализацию ключевых проектов многостороннего сотрудничества, большинство из которых имели прямое отношение к энергетике. Надо отметить, что данный институт впоследствии доказал свою эффективность, несмотря на сложную бюрократическую процедуру одобрения приоритетных проектов².

Проблемы энергетической повестки ШОС хорошо рассмотрены учёным сообществом, как в России, так и за рубежом, однако необходима их комплексная оценка на основе историко-логического подхода с учётом геополитических факторов. Принимая во внимание характер поставленных задач, автор применяет общенаучные методы исследования, такие как системный, статистический, факторный и сопоставительный анализ, а также методы сценарного прогнозирования. В статье сознательно не рассматриваются другие направления деятельности ШОС, а основной акцент делается на энергетическом сотрудничестве, так как именно оно во многом определяет текущее состояние и характер развития Организации, оставаясь ее важным фундаментом и в 2020-е гг.

Предпосылки энергетического сотрудничества в рамках ШОС

Прежде чем приступать к рассмотрению тенденций развития энергетических рынков стран-членов ШОС и давать комплексную оценку потенциала торговли энергоресурсами внутри Организации, следует обрисовать сложившуюся ситуацию в этой сфере и определить наиболее значимые ориентиры. Основным потребителем первичных энергоресурсов в Азиатском регионе является Китай. Более 60% энергобаланса Китая формирует уголь, это единственный ресурс, которым страна обеспечивает себя самостоятельно. Зависимость от импорта нефти достигла 70% в 2019 г.; в том же году суммарная экономическая потребность Китая в сырой нефти составила 420 млн тонн. Главные поставщики — страны Персидского залива (суммарно — 50%), но в последние годы по причинам геополитической напряжённости на Ближнем Востоке в нефтяном импорте возросла доля стран Африки, таких как Ангола, Алжир, Нигерия (порядка 20%). В 2019 г. 13% в нефтяном импорте Китая занимала Россия, к 2022 г. планируется увеличить эту цифру до 17%³.

1. Конаровский М.А. Россия-ШОС: некоторые элементы стратегии // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11. № 4. С. 150.
2. Конаровский М.А. Россия-ШОС: некоторые элементы стратегии // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11. № 4. С. 150.
3. U.S. Energy Information Administration Data. 23 March 2020. URL: <https://www.eia.gov/today-in-energy/detail.php?id=43216#:~:text=China's%20annual%20crude%20oil%20imports,the%20United%20States%20in%202017> (accessed: 26.10.2021).

Собственная добыча природного газа (около 140 млрд м³ в год) покрывает до 60% потребностей страны, импорт же достигает 80 млрд м³ в год при суммарном потреблении в 220 млрд м³ за 2019 г. Основные поставщики СПГ — Австралия, Катар, ОАЭ, Малайзия, Индонезия (60%). Также газ поставляется по трубопроводу из Центральной Азии (35 млрд м³ в год). По газопроводу «Сила Сибири», запущенному в декабре 2019 г., планируются поставки из России природного газа максимальным объёмом до 38 млрд м³ в год; в настоящий момент проектируется и вторая ветка газопровода, пропускная мощность которой составит ориентировочно 50 млрд м³ в год⁴.

Китай активно развивает возобновляемую энергетику. Сейчас в стране действуют 48 ядерных реакторов на 17 АЭС суммарной мощностью 45,6 ГВт. По состоянию на декабрь 2019 г. в КНР работали солнечные и ветроэнергетические электростанции суммарной установленной мощностью 370 ГВт. Если добавить сюда мощности ГЭС, по количеству которых Китай также занимает первое место в мире (352 ГВт), получится более 700 ГВт возобновляемой энергетики. Предполагается, что к 2050 г. благодаря использованию ВИЭ будет вырабатываться до 60% электроэнергии⁵.

Индия во многом повторяет китайский путь с отставанием примерно на 10–15 лет. Основной акцент в энергоснабжении делается на уголь, однако, в отличие от Китая, у Индии нет достаточных запасов этого энергоресурса. Благодаря ежегодному росту ВВП на 4–6%, увеличивается и потребность в нефти и газе. В 2019 г. Индия импортировала 250 млн тонн угля, что составляет примерно две трети её потребности. Собственная добыча природного газа и нефти в стране также невелика.

Всего в 2019 г. Индия потребила 220 млн тонн нефти и около 70 млрд м³ природного газа. Зависимость от импорта нефти составила 83%, газа — около 50%, при этом их потребление растёт быстрыми темпами, а возможности увеличить собственную добычу у страны нет. Сейчас Индия относится к числу самых быстрорастущих энергетических рынков мира, поэтому следует ожидать лишь усиления зависимости от поставок первичных энергоресурсов из-за рубежа. Основные поставщики — те же страны Персидского залива и Ближнего Востока, ЮАР, некоторые другие африканские страны, Бруней, Индонезия и Австралия⁶.

Суммарная установленная мощность возобновляемой энергетики в Индии по итогам 2019 г. составила порядка 90 ГВт, из которых ветряная энергетика — 40 ГВт, солнечная энергетика — 35 ГВт, гидроэнергетика и биотопливо — 15 ГВт. Правительство страны официально поставило цель довести установленную мощность возобновляемой энергетики до 450 ГВт к 2030 г. Однако с учетом среднегодовых темпов строительства электростанций на основе ВИЭ, осуществление этого плана вызывает большие сомнения⁷.

Что касается АЭС, то внимание развитию этого вида генерации Индия начала уделять относительно недавно (с конца 1980-х гг.). Сейчас в стране действуют 22 ядерных реактора на 7 АЭС суммарной мощностью около 7 ГВт. Существуют планы по строительству ещё 7 ГВт мощностей к 2030 г., большое значение здесь имеет сотрудничество с российской корпорацией «Росатом». С начала 2000-х гг. Росатом ведет в Индии строительство 6 энергоблоков на АЭС «Куданкулам» общей мощностью 6 ГВт — это крупнейший атомный

4. International Energy Agency Fuel Report. June 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/gas-2020/2019-cool-down> (accessed: 26.10.2021).

5. International Energy Agency Technology Report. February 2019. URL: <https://www.iea.org/reports/china-power-system-transformation> (accessed: 28.10.2021).

6. BRICS Energy Report. 2020. URL: <https://eng.brics-russia2020.ru/images/114/89/1148985.pdf> (accessed: 28.10.2021).

7. India Brand Equity Foundation Data. 22 March 2021. URL: <https://www.ibef.org/industry/renewable-energy.aspx> (accessed: 01.11.2021).

энергетический объект в стране. Завершение строительства и ввод всех энергоблоков в эксплуатацию запланированы на 2025 г. Сейчас уже фактически работают 2 реактора⁸.

Энергетическая политика Китая во многом лежит в сфере обеспечения устойчивости и бесперебойности поставок энергоресурсов при сокращении зависимости страны от импортируемого ископаемого топлива за счёт развития возобновляемой энергетики и повышения уровня энергоэффективности экономики. То же самое, в целом, можно сказать и про Индию. Усилия этих двух стран по расширению энергетической кооперации в рамках ШОС направлены, в первую очередь, на достижение этих целей⁹.

Для России как одного из крупнейших мировых экспортёров энергоресурсов пространство ШОС играет особую роль и в экономическом, и в геополитическом измерениях. Поскольку со «старыми» энергетическими партнёрами (главным образом, государствами ЕС) в последние годы отношения складываются не лучшим образом, Россия стремится диверсифицировать географию своего энергетического экспорта, и ШОС в этом смысле предоставляет широкие возможности. Как уже упоминалось, Индия и Китай постоянно наращивают импорт энергоресурсов, на их внутренних рынках остаётся немало пространства и для российских поставщиков.

Что касается стран Центральной Азии, то Китай для них является главным экспортным рынком энергоресурсов. Эти страны расположены в глубине евразийского континента и удалены от морских торговых маршрутов. Соответственно, им необходимо инвестировать в развитие сети нефте- и газопроводов, что становится полем для реализации совместных с Китаем проектов. Центральноазиатские государства богаты минерально-сырьевыми ресурсами (в ШОС речь идёт о Казахстане и Узбекистане). Так, разведанные запасы нефти на территории Казахстана составляют около 4 млрд тонн, на территории Узбекистана — 1 млрд тонн. Недра Казахстана содержат около 1 трлн м³ природного газа, Узбекистана — 1,2 трлн м³, и это ещё не все подтверждённые запасы¹⁰.

Казахстан и Узбекистан вызывают повышенный интерес со стороны нефтегазовых корпораций Китая. Дополнительным фактором служит не только удобное географическое положение центральноазиатских государств, но и относительная слабость их политических режимов — национальные элиты готовы искать поддержку у сильных соседей, таких как Россия и Китай, взамен предоставляя им выгодные условия в рамках торгово-инвестиционного сотрудничества, преимущественно энергетического. Запуск масштабной китайской инициативы «Один пояс — один путь» в начале 2010-х гг. дополнительно подчеркнул важность Центральной Азии для Китая как проводника своей внешней энергетической политики. Существуют также проекты участия индийских компаний в разработке месторождений углеводородов в странах Центральной Азии, но этому препятствуют сложные индийско-китайские отношения и высокие геостратегические риски строительства трубопроводов до северо-восточных территорий Индии.

Целевые ориентиры развития энергетических рынков стран-членов ШОС

Рассмотрим эти целевые ориентиры исходя из текущих интересов и долгосрочных планов двух негласных объединений, существующих под эгидой ШОС — это стра-

8. Kudankulam Nuclear Power Plant, Tamil Nadu. 2021. URL: <https://www.power-technology.com/projects/kudankulam-nuclear-power-plant/> (accessed: 01.11.2021).

9. Кистанов В.О., Корнеев К.А. Энергетическая политика Китая — собственные уникальные особенности и влияние опыта Японии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2020. № 3. С. 70.

10. BP Statistical Review of World Energy. 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 02.11.2021).

ны-экспортёры и страны-импортёры энергоресурсов. Первое место в списке стран-экспортёров энергоресурсов принадлежит России. Государственный бюджет страны примерно на 50–60% формируется на основе поступлений от продажи первичных энергоресурсов, что обуславливает высокие риски бюджетной политики из-за колебаний цен на мировых рынках и неблагоприятно сказывается на макроэкономической стабильности. Одна из мер по достижению такой стабильности — заключение долгосрочных контрактов с надёжными и геополитически «близкими» импортёрами энергоресурсов, к которым, без сомнения, относится Китай и с некоторыми оговорками Индия.

Общая тенденция на сегодняшний день такова, что доля России в мировом экспорте энергоресурсов снижается и к 2030 г. составит 9% вместо текущих 11%. Поэтому для России целевым ориентиром является сохранение статуса «энергетической сверхдержавы», но при снижении доли энергетического экспорта в бюджетных доходах до 40%. Это означает, что при постепенном сокращении объёмов добычи нефти произойдёт изменение структуры торговли энергоресурсами в пользу более «чистого» вида топлива — природного газа. К тому же, это вписывается в концепцию низкоуглеродной экономики, к чему стремятся многие развитые страны, а ШОС, без сомнения, будет одним из мировых центров роста потребления природного газа в ближайшее десятилетие¹¹. Есть и проекты экспорта энергетического водорода из России в страны Восточной Азии.

Что касается целевых ориентиров развития энергетики для центральноазиатских государств — Казахстана и Узбекистана, то приоритетной задачей для них по-прежнему остаётся расширение текущих объёмов экспорта энергоресурсов в КНР, для чего необходимо развитие соответствующей инфраструктуры. Китайская инициатива «Один пояс и один путь» как раз предполагает увеличение энергетического импорта из стран Центральной Азии. Таким образом, Китай извлекает тройную выгоду от данного сотрудничества — инвестирует в создание инфраструктуры (а это перспективное капиталовложение), получает энергоресурсы по ценам ниже мирового рынка и укрепляет свои геополитические позиции в регионе. Для КНР важно продвижение национальных экономических интересов и выстраивание «китаецентричного» пространства вдоль собственных границ, поскольку это позволит высвободить стратегические ресурсы для экспансии в Юго-Восточной Азии и Африке, что непосредственно укладывается в парадигму афро-евразийской модели глобализации в противовес традиционной западной, или транстихоокеанской (как расширения трансатлантической), модели.

Тренд на увеличение энергетического экспорта из Казахстана, таким образом, будет укрепляться и в дальнейшем. Доля страны в мировом экспорте энергоресурсов, по предварительным оценкам, составит 3,1–3,5% (сейчас чуть более 2%), в основном за счёт Китая. Также есть перспективы роста продаж казахской нефти и газа через транзитную систему российских трубопроводов в государства ЕС. Ситуация в Узбекистане чуть более сложная — при текущих темпах экспорта природного газа возможно истощение основных газоконденсатных месторождений к 2030 г., причем, китайские компании уже в течение нескольких лет ведут активную геологоразведку на территории страны, и более чем вероятно начало эксплуатации новых месторождений к 2025 г.¹².

Экспортная энергетическая политика России и стран Центральной Азии в рамках ШОС обусловлена потребностью в энергоресурсах двух принципиально важных рынков Организации — Индии и Китая. Оценка такой потребности крайне важна для принятия решений о расширении/сужении экспортных направлений. Для этого требуется

11. Mitrova T., Yermakov V. Russia's Energy Strategy 2035: Struggling to Remain Relevant. Paris: IFRI Publication, 2019. P. 14–15.

12. Scalamera M. The 2020 Oil Price Dive in a Carbon-Constrained Era: Strategies for Energy Exporters in Central Asia // *International Affairs*. 2020. Vol. 96. No. 6. P. 1630–1631, 1635.

детальный анализ национальных стратегий и планов, а также долгосрочных тенденций развития энергетики потенциальных стран-импортёров, например, в области расширения роли и значения ВИЭ, смещения приоритетов в пользу природного газа, водорода и т.д. Такой анализ требует усилий научных групп и не входит в число задач данной статьи, однако краткая характеристика структуры энергопотребления Индии и Китая всё-таки необходима и будет представлена ниже.

К 2030 г. энергетический баланс Индии не претерпит существенных изменений по сравнению с 2020 г., что говорит о сохранении стабильного спроса на импортируемое ископаемое топливо внутри страны. До 10% увеличится доля ВИЭ в структуре энергопотребления, примерно 7–8% составит вклад АЭС. Прогнозы дальнейшего роста ВВП Индии на 4–6% в год объясняют экстенсивное освоение экономического пространства страны — а именно, строительство новых объектов энергетической, промышленной, транспортной и жилищной инфраструктуры. Переход к интенсивному типу развития (повышение энергоэффективности производств, масштабное внедрение инновационных технологий и интеллектуальных систем отраслевого управления) ожидается после 2030 г. Внутренний рынок Индии, таким образом, будет ещё достаточно долго обладать высокой ёмкостью для экспортёров первичных энергетических ресурсов¹³.

К рассматриваемому 2030 г. доля ВИЭ в структуре энергопотребления Китая достигнет 20%, вклад АЭС будет варьироваться в диапазоне 10–12%. В связи с этим ожидается существенное сокращение доли угля, в основном по экологическим причинам, так как правительство КНР ставит цель по обеспечению комфортных условий жизни для людей, особенно в мегаполисах. Будет сокращаться и доля нефти. Однако значение природного газа вырастет: полный переход на ВИЭ и атомную энергию пока невозможен ни в одной стране мира, в том числе и в Китае¹⁴. Это сохраняет и даже увеличивает ниши для экспортёров энергоресурсов в ШОС.

Главные целевые ориентиры развития энергетических рынков для Индии и Китая понятны — прежде всего, это своевременное и всестороннее обеспечение внутренней потребности для поддержания высоких темпов экономического роста. Речь также идёт о постепенном снижении доли экспорта «грязных» источников энергии (уголь, нефть) в пользу более «чистых» (природный газ) и возобновляемых, включая водород. Дополнительно стоит задача смягчения региональных диспропорций энергоснабжения (разная энергообеспеченность провинций и отдельных территорий) за счёт расширения зон трансграничной торговли энергоресурсами. Значительную роль будут играть энергетические услуги¹⁵, которые призваны обеспечить рост занятости в энергетических отраслях и, соответственно, усиление курса на подготовку высококвалифицированных кадров, способных решать сложные задачи и обеспечивать работу сложных технологических систем.

Оценка потенциала торговли энергоресурсами на пространстве ШОС

Торговля энергоресурсами в рамках ШОС имеет разные измерения и направления. Сама Организация выполняет координационную роль и способствует установлению необходимых институтов, пусть и в ограниченном виде. Контракты на поставки энергоресурсов заключаются между государствами либо энергетическими компаниями как их представителями напрямую, находя отражение только в отчётных документах таких фор-

13. International Energy Agency Flagship Report. February 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/india-energy-outlook-2021> (accessed: 02.11.2021).

14. International Energy Agency Technology Report. February 2019. URL: <https://www.iea.org/reports/china-power-system-transformation> (accessed: 28.10.2021).

15. К энергетическим услугам относятся: внедрение автоматизированных систем управления, отопление, кондиционирование, передача и обработка информации, и т.п.

мальных структур, как Энергетический клуб ШОС. Однако есть и проекты совместного строительства энергетической инфраструктуры — например, СЭС и ВЭС — на территории стран Центральной Азии, которые находятся в стадии обсуждения.

Существует несколько уже реализованных крупных проектов. В их числе следует выделить российский нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий Океан (ВСТО), который имеет ответвление, ведущее к границе с Китаем в районе Благовещенска. По этому участку в КНР с 2011 г. поставляется 25–28 млн тонн сырой нефти ежегодно, а его максимальная пропускная способность — 30 млн тонн в год. Еще около 30 млн тонн нефти ежегодно идёт в Китай танкерами из портов российского Дальнего Востока. Конкретных решений по строительству дополнительных нефтепроводов из России в Китай пока нет, но есть возможность увеличения морских поставок за счёт расширения пропускной способности обеих веток ВСТО до 150 млн тонн нефти в год с текущих 130 млн тонн к 2025 г.¹⁶ Таким образом, через эту систему Россия сможет поставлять в Китай порядка 80 млн тонн в год (уверенное первое место в списке экспортёров), если смотреть по максимальной границе и учитывать тенденцию к снижению потребления нефти в энергетическом секторе КНР.

Второй масштабный проект — газопровод «Сила Сибири», который был введён в эксплуатацию в конце 2019 г. Контракт на поставку газа через него заключён сроком на 30 лет. За это время Китай должен получить около 1 трлн м³ российского трубопроводного газа. Эта договорённость стала важным экономическим и геополитическим основанием строительства. Вполне вероятно, что к 2030–2035 гг. будет построена вторая ветка газопровода, поскольку извлекаемые запасы газа на месторождениях Восточной Сибири составляют суммарно около 3 трлн м³, а потребность КНР в природном газе продолжает расти. Принимая во внимание, что в дополнение к трубопроводному газу Россия поставляет в Китай СПГ объёмом примерно 5 млн тонн с перспективой его увеличения до 15 млн тонн к 2030 г., можно предположить, что российский газ будет обеспечивать 40% китайского спроса на этот энергоресурс¹⁷.

Несмотря на то, что общий экспорт энергоресурсов из России будет снижаться, преимущественно за счёт сокращения поставок на рынки стран ЕС, постоянно растущий азиатский рынок обеспечит для России устойчивую нишу, открыв «второе дыхание» для её добывающего сектора. Географические и геополитические факторы препятствуют сооружению систем наземной транспортировки энергоресурсов из России в Индию, однако вероятен существенный рост поставок СПГ и нефти танкерами — до 10 млн тонн нефти и 5 млн тонн СПГ к 2025–2030 гг.¹⁸.

Центральноазиатские члены ШОС также связаны с Россией и Китаем транспортной энергетической инфраструктурой. Можно упомянуть успешную реализацию идеи Каспийского трубопроводного консорциума (запуск состоялся в 2004 г.), предназначенного для поставок казахстанской нефти в порт Новороссийск (черноморское побережье России) для дальнейшей её перепродажи потребителям в Европейском союзе. Ежегодный объём транспортировок нефти по этой системе — около 70 млн тонн. В 2006 г. был введён в эксплуатацию нефтепровод Казахстан — Китай пропускной способностью 15 млн тонн в год. Ежегодный объём транспорта нефти по нему составляет около 11 млн тонн¹⁹.

16. Kozmenko A. Arctic Oil and the Eastern Direction of Russia's Energy Policy // *SHS Web of Conferences*. 2020. Vol. 84 (03004). P. 2.

17. Kutcherov V., Morgunova M., Bessel V., Lopatin A. Russian Natural Gas Exports: An Analysis of Challenges and Opportunities // *Energy Strategy Reviews*. 2020. Vol. 30 (100511). P. 7–8.

18. International Energy Agency Flagship Report. February 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/india-energy-outlook-2021> (accessed: 02.11.2021).

19. Грозин А.В. Торговля энергоресурсами в Центральной Азии: геополитические аспекты // *Геоэкономика энергетики*. 2019. № 3. С. 92–93.

В области торговли природным газом ситуация складывается следующим образом. Ещё со времён СССР действует система газопроводов «Средняя Азия — Центр» пропускной способностью 80 млрд м³ газа в год, проходящая через территорию Туркменистана, Узбекистана и Казахстана в регионы Центральной России. В настоящий момент объёмы транспортировки газа относительно невелики (около 10 млрд м³ в год) из-за крупной аварии 2009 г. на территории Туркменистана и произошедшего в 2015 г. ценового конфликта между Газпромом (единственным покупателем) и Туркменгазом как наиболее значительным продавцом²⁰. К тому же этой транспортной системе нужна серьёзная модернизация.

К 2013 г. в основном на средства китайских инвесторов было завершено строительство трёх ниток газопровода Центральная Азия — Китай суммарной пропускной способностью 55 млрд м³ в год. Фактически сейчас этим путём ежегодно поставляется 35 млрд м³ из Туркменистана (не входит в ШОС), 10 млрд м³ из Узбекистана и 6 млрд м³ из Казахстана. С 2014 г. проводится технико-экономическое обоснование строительства четвёртой нитки этого газопровода пропускной способностью до 30 млрд м³ в год²¹.

Таким образом, Китай к 2030 г. может обеспечивать более 60% потребности внутреннего рынка в природном газе за счёт поставок из России и стран Центральной Азии по надёжным трубопроводным маршрутам. В этом свете значение ШОС как координирующего органа и важного элемента обеспечения геополитической стабильности в центральноазиатском регионе только усилится. По сути, эта структура станет ещё одним гибким инструментом реализации политики Китая по укреплению своего экономического и стратегического влияния в Азии.

Следует отметить, что заметные интересы в плане энергетической кооперации с отдельными странами-членами ШОС (преимущественно экспортёрами энергоресурсов) имеют и внешние игроки, в первую очередь, Япония. Дальнейшее укрепление позиций Китая в Центральной Азии вызывает определённое беспокойство Токио; японская энергетическая дипломатия в отношении России и стран Центральной Азии, входящих в ШОС, постоянно эволюционирует, находится в поиске новых подходов. Вероятные объёмы поставок нефти и природного газа из центральноазиатского региона невелики, и тому есть веские причины. Во-первых, Казахстан и Узбекистан не имеют выхода к мировому океану, что создаёт труднопреодолимую естественную преграду. С начала 2000-х гг. Казахстан ежегодно поставляет в Японию в среднем 2–3 млн тонн сырой нефти, для этого сначала обеспечивается транспортировка нефти через мощности Каспийского трубопроводного консорциума в порт Новороссийск, а затем танкерами в Японию через Средиземное море, Суэцкий канал, Индийский океан и Восточно-Китайское море²². Это достаточно долгий и дорогостоящий маршрут.

Вторая преграда заключается в зависимости стран Центральной Азии от российской (а также построенной совместно с Китаем в 2000-е гг.) энергетической инфраструктуры. Отсутствие иных путей не позволяет Токио серьёзно нарастить импорт сырой нефти из Казахстана даже при стабильной заинтересованности в этом казахских властей. В дело вступает сложная система контрактов и соглашений с операторами российских транзитных мощностей, и эти соглашения теоретически могут быть аннулированы, например, в результате серьёзного ухудшения российско-японских отношений. Поэтому Япония делает ставку на те направления, которые не зависят от третьих сторон. В основном это проекты в

20. Газпром возобновил закупку газа в Туркменистане. 16.04.2019. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/442490-uregulirovano-gazprom-vozobnovil-zakupku-gaza-v-turkmenistane/> (дата обращения: 03.11.2021).

21. Ralph W. China's New Energy Geopolitics: The Shanghai Cooperation Organization and Central Asia // *The German Journal on Contemporary Asia*. 2014. Vol. 133. P. 35.

22. Scalamera M. The 2020 Oil Price Dive in a Carbon-Constrained Era: Strategies for Energy Exporters in Central Asia // *International Affairs*. 2020. Vol. 96. No. 6. P. 1631–1633.

сфере атомной энергетики (в 2019–2020 гг. велись переговоры с правительством Казахстана о строительстве АЭС по японским технологиям, но были приостановлены), либо в сфере модернизации/строительства энергетических объектов (электростанции, ЛЭП и т.д.).

Например, по итогам визита премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Узбекистан в 2015 г. правительства двух стран заключили соглашение об осуществлении совместных проектов на сумму 8,5 млрд долл. по таким направлениям, как модернизация энергетической и транспортной инфраструктуры, освоение и переработка минерально-сырьевых ресурсов, автомобилестроение, нефтегазовая и химическая промышленность, телекоммуникации и ряд других отраслей. Неудивительно, что Япония в середине 2010-х гг. стала одним из крупнейших инвестиционных партнеров Узбекистана, а взаимный товарооборот превысил 180 млн долл.²³

В 2015–2018 гг. японские специалисты разработали и реализовали сложный проект по установке газовой турбины комбинированного цикла мощностью 450 МВт на Навоийской ТЭС в Узбекистане. Консорциум японских компаний ведёт геологоразведку урановых месторождений на территории страны, выполняя инвестиционное соглашение с узбекским правительством на сумму более 1 млрд долл. Эти проекты обеспечивают приток японских технологий в Узбекистан и способствуют укреплению позиций Японии не только там, но и в сопредельных странах, что расширяет арену геополитической и геоэкономической конкуренции в Центральной Азии и в каком-то смысле ограничивает доминирование России и Китая²⁴.

Несомненно, Япония остаётся крупным игроком на рынках энергоресурсов государств Азиатско-Тихоокеанского региона, и включение её в орбиту участников трансформации энергетических рынков отдельных стран-членов ШОС отчасти оправданно. Приток японского капитала в государства Центральной Азии положительно сказывается на их развитии и способствует росту уровня жизни населения.

* * *

Помимо упомянутых в статье стран, в ШОС также входят Таджикистан и Пакистан. В Таджикистане мало углеводородного сырья, но имеются существенные запасы золота (около 500 тонн); кроме того, эта страна занимает 8 место в мире по гидроэнергетическому потенциалу, эквивалентному выработке 527 млрд кВт·ч электроэнергии ежегодно. Помимо гидроэнергетических ресурсов, Таджикистан располагает значительными запасами угля, которые оцениваются в 4,5 млрд тонн²⁵. Китай и Россия имеют доли в золотодобывающих и горнорудных компаниях страны, предлагают проекты строительства ГЭС. Собственных средств на это у Таджикистана нет — страна входит в число самых бедных государств мира.

В Пакистане также мало первичных энергоресурсов, внутренняя добыча покрывает менее четверти необходимого объёма. Уголь закупается в основном в ЮАР, Индонезии и немного в Китае, газ и нефть — в странах Персидского залива. Таким образом, логистически Пакистан пока слабо встроен в цепочки поставок энергоресурсов внутри ШОС, и тут есть определённый потенциал для сотрудничества.

23. Bilateral Economic Cooperation between Japan and Uzbekistan // *Eurasian Research Institute*. September 2016. URL: <https://eurasian-research.org/wp-content/uploads/2020/06/Weekly-e-bulletin-13-09-2016-19-09-2016-No-81.pdf> (accessed: 03.11.2021).

24. Dadabaev T., Djalilova N. Connectivity, Energy, and Transportation in Uzbekistan's Strategy vis-à-vis Russia, China, South Korea, and Japan // *Asia Europe Journal*. 2021. № 19. P. 120.

25. Обзор энергетического сектора Республики Таджикистан. МИД Республики Таджикистан. 06.07.2019. URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/energetika> (дата обращения: 04.11.2021).

Следует кратко рассмотреть роль и влияние геополитических факторов на энергетические рынки внутри ШОС. В начале и середине 2000-х гг. эти факторы не играли особой роли в развитии Организации, однако в 2010-е гг. ситуация изменилась. Китай начал последовательно продвигать собственную повестку торгово-экономической интеграции в АТР, что вскоре привело к нарастанию противоречий в отношениях с государствами, поддерживавшими либеральный режим международной торговли — США, Японией, Австралией. С другой стороны, Россия в 2014–2015 гг. попала под серьёзные санкции стран ЕС и США и с трудом к ним адаптировалась, что ускорило процесс сближения с Китаем и усиление кооперации в рамках БРИКС и ШОС. Энергетическая повестка сегодня остаётся одной из главных, поскольку Китаю сложно обойтись без российских и центральноазиатских энергоресурсов, а России и странам Центральной Азии — без продукции китайской обрабатывающей промышленности, поставок цифровой техники, высокотехнологичных материалов и оборудования.

Предпринимались даже попытки создания регионального бенчмарка на основе российского сорта нефти ESPO, продаваемого в страны АТР, с целью снизить волатильность цены на нефть и общую зависимость от мирового ценообразования, привязанного к бенчмаркам Brent и WTI. Особого успеха эти попытки не имели, но подобные планы сохраняются. В целом, масштабы и направления торговли энергоресурсами в рамках ШОС обусловлены разделением входящих в эту структуру государств на две группы — экспортёров и импортёров. Несмотря на то, что институты ШОС не играют большой роли в подписании и сопровождении двусторонних либо многосторонних энергетических контрактов, они обеспечивают стратегическую стабильность и предсказуемость действий стран евразийского пространства, во многом имеющих общую повестку развития. Немаловажным моментом является и постепенное формирование общего торгово-экономического пространства в рамках ШОС, которое уже в меньшей степени, чем раньше, привязано к долларovým расчётам. Торговля энергоресурсами является главным двигателем этого процесса в настоящий момент и, без сомнения, сохранит своё приоритетное значение в долгосрочной перспективе.

Литература

- Газпром возобновил закупку газа в Туркменистане. 16.04.2019.
URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/442490-uregulirovano-gazprom-vozobnovil-zakupku-gaza-v-turkmenistane/> (дата обращения: 03.11.2021).
- Грозин А.В. Торговля энергоресурсами в Центральной Азии: геополитические аспекты // *Геоэкономика энергетики*. 2019. № 3.
- Кистанов В.О., Корнеев К.А. Энергетическая политика Китая — собственные уникальные особенности и влияние опыта Японии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2020. № 3.
- Конarovский М.А. Россия-ШОС: некоторые элементы стратегии // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11. № 4.
- Обзор энергетического сектора Республики Таджикистан. МИД Республики Таджикистан. 06.07.2019. URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/energetika> (дата обращения: 04.11.2021).
- Bilateral Economic Cooperation between Japan and Uzbekistan // *Eurasian Research Institute*. September 2016. URL: <https://eurasian-research.org/wp-content/uploads/2020/06/Weekly-e-bulletin-13-09-2016-19-09-2016-No-81.pdf> (accessed: 03.11.2021).
- BP Statistical Review of World Energy. 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 02.11.2021).
- BRICS Energy Report. 2020. URL: <https://eng.brics-russia2020.ru/images/114/89/1148985.pdf> (accessed: 28.10.2021).
- Dadabaev T., Djalilova N. Connectivity, Energy, and Transportation in Uzbekistan's Strategy vis-à-vis Russia, China, South Korea, and Japan // *Asia Europe Journal*. 2021. № 19.
- International Energy Agency Flagship Report. February 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/india-energy-outlook-2021> (accessed: 02.11.2021).

- International Energy Agency Fuel Report. June 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/gas-2020/2019-cool-down> (accessed: 26.10.2021).
- International Energy Agency Technology Report. February 2019.
URL: <https://www.iea.org/reports/china-power-system-transformation> (accessed: 28.10.2021).
- India Brand Equity Foundation Data. 22 March 2021. URL: <https://www.ibef.org/industry/renewable-energy.aspx> (accessed: 01.11.2021).
- Kozmenko A. Arctic Oil and the Eastern Direction of Russia's Energy Policy // *SHS Web of Conferences*. 2020. Vol. 84 (03004).
- Kudankulam Nuclear Power Plant, Tamil Nadu. 2021. URL: <https://www.power-technology.com/projects/kudankulam-nuclear-power-plant/> (accessed: 01.11.2021).
- Kutcherov V., Morgunova M., Bessel V., Lopatin A. Russian Natural Gas Exports: An Analysis of Challenges and Opportunities // *Energy Strategy Reviews*. 2020. Vol. 30 (100511).
- Mitrova T., Yermakov V. Russia's Energy Strategy 2035: Struggling to Remain Relevant. Paris: IFRI Publication, 2019.
- Ralph W. China's New Energy Geopolitics: The Shanghai Cooperation Organization and Central Asia // *The German Journal on Contemporary Asia*. 2014. Vol. 133.
- Scalamera M. The 2020 Oil Price Dive in a Carbon-Constrained Era: Strategies for Energy Exporters in Central Asia // *International Affairs*. 2020. Vol. 96. No. 6.
- U.S. Energy Information Administration Data. 23 March 2020.
URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=43216#:~:text=China's%20annual%20crude%20oil%20imports,the%20United%20States%20in%202017> (accessed: 26.10.2021).

ECONOMICS

Assessment of the Energy Trade Scope and Directions within the Shanghai Cooperation Organization

Konstantin A. Korneev

Ph.D. (History), Senior Research Scholar, Centre for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@ifes-ras.ru.

Received 06.11.2021.

Abstract:

An interesting picture has emerged in the region of the Shanghai Cooperation Organization. On the one hand, there are states included in the list of the world's largest importers of energy resources — India and China. On the other hand, the Central Asian countries, including Russia, are net exporters of energy resources, and this type of export is extremely important for their macro-economic stability. It is not surprising that the problems of organizing mutually beneficial trade in energy resources within the SCO are among the most urgent for the Organization's agenda. Nevertheless, there are many disagreements on this issue, some of which have appeared recently, so the analysis and assessment of the energy component of cooperation between the SCO member states is in the focus of this article. It is also obvious that the current practice of multilateral participation in the energy dialogue can also be of great importance in the geopolitical context — as a factor of either additional cohesion or an increase in contradictions within the SCO. A certain role in this sense is also played by external regional actors such as Japan, which faces the permanent task of diversifying the directions of energy imports. Naturally, the SCO member states rich in oil, coal and natural gas (Kazakhstan, Uzbekistan, and Russia) are at the forefront of Tokyo's energy diplomacy and determine the development of new concepts for promoting Japan's energy interests in the region of the Shanghai Cooperation Organization.

This article was written under the funding of the Russian State University for the Humanities "project scientific collectives" (grant no. 2021-1-2) by the name "Transformation of the SCO Member States Energy Markets at Present Stage: Possibilities for Russia".

Key words:

The SCO, directions of energy trade, forecast of energy cooperation development, energy diplomacy, and geopolitical factors.

For citation:

Korneev K.A. Assessment of the Energy Trade Scope and Directions within the Shanghai Cooperation Organization // *Far Eastern Studies*. 2021. No. 6. Pp. 35–46.
DOI: 10.31857/S013128120017347-2.

References

- Gazprom vosobnovil zakupku gaza v Turkmenistane [Gazprom Resumed Gas Purchases in Turkmenistan]. 16.04.2019. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/442490-uregulirovano-gazprom-vosobnovil-zakupku-gaza-v-turkmenistane/> (accessed: 03.11.2021). (In Russ.).
- Grozin A. V. Torgovlya energoresursami v Tsentral'noi Asii: geopoliticheskie aspekty [Energy Trade in Central Asia: Geopolitical Aspects]. *Geoekonomika energetiki*. 2019. № 3. (In Russ.).
- Kistanov V.O., Korneev K.A. Enegeticheskaya politika Kitaya — sobstvennye unikal'nye osobennosti i vliyaniye opyta Yaponii [China's Energy Policy — its Own Unique Features and the Impact of Japan's Experience]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2020. № 3. (In Russ.).
- Konarovsky M.A. Rossiya — SHOS: nekotorye elementy strategii [Russia and the Shanghai Cooperation Organization: Some Elements of Strategy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*. 2016. T. 11. № 4. (In Russ.).
- Obzor energeticheskogo sektora Respubliki Tadjikistan. MID Respubliki Tadjikistan [Overview of the Republic of Tajikistan energy sector. The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan]. 06.07.2019. URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/energetika> (accessed: 04.11.2021). (In Russ.).
- Bilateral Economic Cooperation between Japan and Uzbekistan. *Eurasian Research Institute*. September 2016. URL: <https://eurasian-research.org/wp-content/uploads/2020/06/Weekly-e-bulletin-13-09-2016-19-09-2016-No-81.pdf> (accessed: 03.11.2021).
- BP Statistical Review of World Energy. 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 02.11.2021).
- BRICS Energy Report. 2020. URL: <https://eng.brics-russia2020.ru/images/114/89/1148985.pdf> (accessed: 28.10.2021).
- Dadabaev T., Djalilova N. Connectivity, Energy, and Transportation in Uzbekistan's Strategy vis-à-vis Russia, China, South Korea, and Japan. *Asia Europe Journal*. 2021. № 19.
- International Energy Agency Flagship Report. February 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/india-energy-outlook-2021> (accessed: 02.11.2021).
- International Energy Agency Fuel Report. June 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/gas-2020/2019-cool-down> (accessed: 26.10.2021).
- International Energy Agency Technology Report. February 2019.
URL: <https://www.iea.org/reports/china-power-system-transformation> (accessed: 28.10.2021).
- India Brand Equity Foundation Data. 22 March 2021. URL: <https://www.ibef.org/industry/renewable-energy.aspx> (accessed: 01.11.2021).
- Kozmenko A. Arctic Oil and the Eastern Direction of Russia's Energy Policy. *SHS Web of Conferences*. 2020. Vol. 84 (03004).
- Kudankulam Nuclear Power Plant, Tamil Nadu. 2021. URL: <https://www.power-technology.com/projects/kudankulam-nuclear-power-plant/> (accessed: 01.11.2021).
- Kutcherov V., Morgunova M., Bessel V., Lopatin A. Russian Natural Gas Exports: An Analysis of Challenges and Opportunities. *Energy Strategy Reviews*. 2020. Vol. 30 (100511).
- Mitrova T., Yermakov V. Russia's Energy Strategy 2035: Struggling to Remain Relevant. Paris: IFRI Publication, 2019.
- Ralph W. China's New Energy Geopolitics: The Shanghai Cooperation Organization and Central Asia. *The German Journal on Contemporary Asia*. 2014. Vol. 133.
- Scalamera M. The 2020 Oil Price Dive in a Carbon-Constrained Era: Strategies for Energy Exporters in Central Asia. *International Affairs*. 2020. Vol. 96. No. 6.
- U.S. Energy Information Administration Data. 23 March 2020. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=43216#:~:text=China's%20annual%20crude%20oil%20imports,the%20United%20States%20in%202017> (accessed: 26.10.2021).